

Тристан Платт*

Горнорудные предприятия братьев Ортис и формирование национальной элиты Сальты и Потоси, 1800 – 1880 гг.

В 1994 г. я подготовил работу, в которой предлагал пересмотреть доминировавшие тогда взгляды на горнорудное дело района Потоси в первые годы существования боливийского государства¹. Статистика добычи серебра в период правления президентов Санта-Крус, Бальивиан и Бельсу (1829 – 1855) показывает отнюдь не застой или подготовительный этап перед бумом последней трети 19 века (особенно в Уанчаке), а именно рост, последовавший сразу после войны за независимость, который достиг своей высшей точки в период 1838 – 1842 гг. Речь идет о «первом цикле серебряного бума» в первые годы республики, что полностью игнорировалось в исторических работах².

Хотя этот «первый цикл» проявляется в цифрах добычи по различным горнорудным центрам департамента Потоси (прежде всего в Аульясас, провинция Чайянта), я предпочитаю остановиться на данных по Серро Рико, самому центру Потоси. Обнаруживается, что цифры добычи оставались на достаточно высоком уровне благодаря поведению предпринимателей Мануэля, Франсиско де Паула и Серапио Ортисов, трех братьев, уроженцев Сальты, которые в 1836 г. изобрели машину для измельчения руды и перемешивания её с ртутью, что позволило сэкономить на зарплате индейцев-репасирис, своими ногами смешивавших ранее руду и ртуть для получения амальгамы серебра и ртути. Братья Ортис построили при минимальных затратах машину наподобие миксера по сбиванию яиц: с помощью одного мула деревянная ось с лопатами, расположенными в форме спирали, внутри каменного бассейна перемешивала минерал. Благодаря этому новшеству им удалось завоевать доминирующие позиции среди серебродобытчиков Потоси, что продолжалось до 50-х годов 19 века.

Первоначально машина Ортисов вызвала большой интерес у других производителей серебра. Был подписан контракт с правительством Андреса Санта-Круса, протектора Боливийско-перуанской конфедерации с целью сделать всеобщим достоянием

* Тристан Платт – профессор Департамента Социальной антропологии Университета Сэнт-Эндрю, Шотландия, Великобритания, Севильского университета, Испания, Национального архива Боливии.

это изобретение за определенное вознаграждение его авторам. Хотя этот контракт был отменен впоследствии, и использование этой машины не стало всеобщим, сами авторы расширяли ее использование на своих рудниках с весьма позитивными результатами, что позволило им оставаться лидерами среди серебродобытчиков по крайней мере вплоть до времени правления Бельсу (1848 – 1855 гг.). Еще через несколько лет они будут производить серебра больше, чем все другие заводчики вместе взятые.

Данная работа, в первую очередь, включает результаты работы в архивах Сальты и в Национальном архиве Боливии в Сукре, что позволило осветить тему споров между семьей Ортисов и боливийским государством по поводу контракта, заключенного при Санта-Круссе. Помимо аргументов, выдвигаемых сторонами в этом споре, о достоинствах машины, эти материалы включают важную информацию о годовом производстве предприятия Ортисов в 1837 – 1839 гг., о расходах по изготовлению машины и об успешной демонстрации машины в Серро де Паско в Северном Перу. Это нам помогло проанализировать, почему это изобретение, чьи достоинства были всеми признаны, так и не было принято к использованию другими заводчиками ни в Серро де Паско, ни в Потоси. Все напоминало судьбу обогатительной машины Борна, предложенной в конце 18 века комиссией Норденфлихт заводчикам Потоси. Технический успех машины Ортисов был лишь эпизодом кратким, но при этом и значительным в истории горнорудной промышленности Америки.

Две ветви семьи (Сальта и Потоси) потеряли связь друг с другом, что демонстрирует процесс установления новых границ между республиками. Становление государства-нации в 19 веке привело не только к формированию общей памяти, но и коллективного забвения как центрального механизма разграничения между новыми «государствами». Как писал Э.Ренан в конце 19 века: «Забыть, я беру на себя смелость утверждать, - это способ неправильной интерпретации собственной истории, но и основной фактор формирования нации». Возможно (но не обязательно), что это явление особенно хорошо видно среди элит пограничных регионов, гораздо сильнее, чем у часто менявших гражданство крестьян или бродячих торговцев по обе стороны границы³.

В исторической памяти семьи в Сальте стерлись упоминания о трех братьях Ортис Серапио, Франсиско Пауле и Мануэле, горнозаводчиках из Потоси в первые 30 лет существования Боливийской республики. С другой стороны, боливийская историография лишь

упоминает трех «аргентинцев», которые много способствовали возрождению старого горнорудного центра, который в 1830 году насчитывал лишь 8.000 жителей, а в 1860 году уже в два раза больше.

Как и когда поселились братья Ортис в Потоси? Мы предполагали, что они привезли с собой капиталы, полученные в результате торговли мулами между Сальтой и Потоси, и вложили их в горное дело. До возникновения государственных границ тесные взаимоотношения между двумя регионами процветали благодаря вывозу мулов в Горное Перу. Эта обширная торговля имела свое начало в Санта-Фе и Кордобе: животные проходили через ярмарки в Сумалао, Уари, Вильке, чтобы закончить свой путь в Куско, Лиме или Ламбайеке. На этом заработал отец братьев Ортис свой капитал.

Габриэль Бенито Ортис де Эспиноса был испанцем, иммигрантом, прибывшим в Сальту в конце 18 века. Он родился в провинции Сантандер, его отец был местным чиновником, рехидором⁴. Нам ничего не известно ни о первых годах его жизни в Америке, ни дата его приезда. Однако, очевидно, что у него были хорошие связи, и он также как и отец стал рехидором Сальты⁵. Данные о жизни Габриэля Ортиса очень ограничены, но ясно, что он был торговцем мулами в Перу. Некоторые самые активные и успешные деятели в 1800 – 1809 (годы, названные Н.Санчесом Альборносом, периодом «бума торговли мулами») были хозяевами мулов, которыми торговал Ортис, они же были его кредиторами. Личные капиталы Ортиса были вовлечены в торговлю мулами лишь в начале его карьеры, к тому же это были незначительные суммы. Ортис умер в 1809 г.

Помимо Ортиса торговлей мулами занимались семьи Ибасета, Олабегоя, и в меньшей степени Мартинес. Олабегоя был главным в этой компании, владея 33.184 животными, он же собирал алькабалу в Урубамбе около Куско, что делало его ключевой фигурой, контролировавшей перегон всех мулов, в том числе и своих. Он укрепил своё положение, женившись на дочери местного аристократа и землевладельца Габриэля Отеро, войдя, таким образом, в самый влиятельный в Сальте круг людей: родственник Габриэля – Мигель Отеро был вовлечен в прибыльные дела в Серро де Паско в первые годы после завоевания независимости. Использование брачных связей было частью экономической стратегии, где дочь рассматривалась как капитал для продолжения дела.

Габриэль Ортис умер как раз накануне пятнадцатилетней войны, которая прервала торговые связи между Горным Перу и Юж-

ными провинциями, Сальтой и Жужуй, расположенных на границе между Горным Перу, остававшимся в руках роялистов, и «свободными» провинциями аргентинских патриотов. Пока шла война действовало эмбарго на экспорт мулов из Сальты в Перу, чтобы лишить армию роялистов главного транспортного средства⁶. Кризис затронул все секторы экономики, так как торговля мулами была главным источником денежных средств для всего хозяйства Сальты. Может быть из-за своих симпатий к роялистам, или желая убежать от кризиса, в котором пребывали дела, а может быть стремясь к своим родственникам в Горном Перу, но в период между 1814 – 1816 гг. донья Петрона решила переехать с детьми в Потоси. В 1816 г. старшему из сыновей, Мануэлю, исполнилось лишь 11 лет. С собой вывезли очень мало средств. Дети еще не доросли до совершеннолетия, когда все переселились в Потоси. Они стали самостоятельными людьми лишь с возникновением независимого государства – Боливии. В 1825 г. Мануэлю было 20 лет, Франсиско де Паула – 18, а Серапио – 17. Уже в 1830 г. в возрасте 22 и 23 лет Франсиско де Паула и Серапио занимаются извлечением серебра на своем первом инхенио (горном заводе) «Хесус Мария». Два года спустя на них работает больше рабочих, чем на каком-либо другом предприятии в Потоси, им удалось даже получить кредит в 6.000 песо в Горном банке (Banco Nacional de Rescates), в два раза больший, чем их главный соперник Хосе Мария Веласкес. В 1833 г. их недельная продукция была в три раза больше, чем у Веласкеса.

Ортисы были ведущими заводчиками, производителями серебра еще до изобретения перемалывающей руду машины. С 1836 г. машина позволила радикально расширить масштабы производства. Анализ тяжбы между Ортисами и боливийским правительством о прекращении 29 апреля 1838 г. действия контракта, заключенного с правительством Андреса Санта-Круса 10 октября 1836 г., позволяет нам уточнить как технические детали и стоимость изготовления машины, так и аргументы сторон в споре изобретателей и государства о действии или прекращении контракта, в котором особо рассматривались достоинства аппарата. Среди этих документов протоколы исследования горнозаводчиков Серро де Паско (Перу) от 23 мая 1837 г., в которых представлены сравнительные данные по себестоимости одного ящика минерала, произведенного при помощи системы измельчения руды с использованием круга и лошадей, существовавшей в этом перуанском горнорудном центре (там никогда не использовался принудительный труд митайос, ин-

дейцев несущих горнорудную повинность – миту) , и полученного при системе механизированных кругов, применяемых Ортисами⁷.

Эта тяжба позволяет понять причины, почему использование этой машины не стало всеобщим ни в Потоси, ни в Серро де Паско, несмотря на признание очевидных достоинств. Здесь мы подходим к более широкой дискуссии о причинах провала и других попыток внедрить новые технологии в горнорудную промышленность региона. Например, экспедиция Норденфлихта в конце 18 века рекомендовала внедрение котельного метода амальгамирования серебра, изобретенного в Саксонии Игнацом фон Борном на основе экспериментов, сделанных Алонсо Барбой в 17 веке. Часть дискуссии об этой неудаче вращалась вокруг странности, ненормальности этого технологического предложения и культурно-психологических конфликтов, возникших между «просвещенным европейским разумом» и «американской традицией»⁸. Указывалось также на высокую стоимость машины Борна (120 тысяч песо конца 18 века), на сложность обработки с ее помощью огромных объемов руды с низким содержанием металла, на проблемы конкуренции с существовавшей системой обогащения при механической обработке, когда использовалась бесплатная рабочая сила индейцев-митайо⁹.

В истории с машиной Ортисов речь идет об американском изобретении, с низкой себестоимостью изготовления, принятая после испытаний специальными комиссиями, созданными Цехом (gremio) серебродобытчиков Потоси и Горным управлением (dirutacion) Серро де Паско. К тому же, к этому времени была отменена мита, ранее дававшая дешевую рабочую силу заводчикам. Но и при всем этом, данная машина не стала широко употребляться среди производителей серебра. Почему не стала?

Сама машина и ее предыстория. Представляя себе эту машину, лучше всего её сравнить с большим горизонтальным миксером для сбивания яиц. На горизонтальной деревянной оси были прикреплены лопатки по спирали, ось вращалась вокруг центрального столба внутри каменного бассейна, вращаясь одновременно вокруг своей оси, перемешивая лопатками руду и ртуть внутри бассейна. Как пришло в голову Ортису столь простая и вместе с тем эффективная идея? Комиссия в Потоси упоминала как их предшественника эксперименты ученого, большого специалиста в горном деле Аугустина Тельеса. Идеи Тельеса, осуществленные в инхенио Чари-Чари (принадлежало Леандро де Усину) в мае 1831 г., состояла

в использовании воды как приводной силы. Вместо лопаток по вращаемой оси, что было у Ортисов, Тельес использовал «шесть колес, которые приводили в действие три маленьких колесика, с одной стороны, и несколько больших, с другой, которые котясь по кругу перемешивали руду». Тельес также жаловался на консервативные взгляды и нежелание экспериментирования у горнозаводчиков Потоси, которых мало волновала судьба индейцев-репасирис, поденщиков на рудниках и в инхенио¹⁰.

Различие машин Тельеса и Ортисов состояло в большом числе лопаток у последних, до 40, по 5 с каждой стороны. Вращаясь от рычажного привода и двигаясь по кругу, лопатки перемешивали руду, подминая амальгаму и опрокидывая её вниз. Совершенно ясно, что колесики машины Тельеса не могли сравниться с этим огромным миксером¹¹.

Доклады комиссий Потоси и Серро де Паско, 1836 – 1837 гг. Первая комиссия по машине Ортисов опубликовала свои выводы, полностью позитивные, в Потоси в мае 1836 г. Она состояла из Н.Короминола, Д.Э.Гаррона и М.Кабальеро, все члены Цеха серебрянозаводчиков Потоси. Комиссия «более четырех месяцев проводила испытания с различным количеством минерала вплоть до 1200 арроб¹², проверяя и сравнивая одновременно тоже количество минерала при обработке другими методами». Её выводы были следующими: «1. стоимость каждой машины – 225 песо...; 2. Сокращает время работы с 20 до 14 дней по сравнению с обычным, ручным методом; 3. Можно сократить время за счет увеличения времени движения или сменив мула на воду, ветер или пар в качестве приводной силы; 4. Производство 6 ящиков стоило 115 песо и 2 реала по старому методу, в то время как новый метод позволяет произвести тоже самое количество минерала за 50 песо и 5 реалов; 5. 6 ящиков по старому методу производили 8-10 человек, на которых можно сэкономить при новом методе; 6. Капиталовложение на 6 ящиков по старому методу представляло 2.232 песо, а по новому методу – 1.157 песо и 2 реала – экономия в 1.074 песо и 6 реалов; 7. Новый метод экономит перенос минерала на мойку и последующие потери минерала, экономит время и рабочую силу, а также стоимость ртути, которая лучше абсорбируется, и самих инструментов; 8. Меньше потерь ртути, которая всегда остается внутри круга; 9. Позволяет работать в холодных условиях, вплоть до морозов; 10. Экономиться ртуть: старый метод приводил к потере 11 фунтов, а новый – 1 фунт; 11. Новая машина экономит капитал,

рабочую силу, время, ртуть, инструменты, уменьшает потери, риски воровства и перевозку руды. Потоси, 11 мая 1836 г.»¹³

К таким же выводам пришла независимо от первой комиссия в Серро де Паско год спустя. Проанализируем перуанскую историю машины. Во второй половине 1836 г. Мануэль Ортис, выполняя нотариальный договор со своими братьями от 4 июля 1836 г.¹⁴, отправился в Перу, чтобы убедить правительство Боливийско-перуанской конфедерации заплатить возмещение за разрешение всеобщего использования машины в Северной и Южной республиках. Прибыв в Серро де Паско, построил прототип машины в поместье Сакра-фамилия, а 10 сентября 1836 г. Горная депутация Серро де Паско приступила к её испытанию. Комиссия состояла из чиновника М.Сото и заводчиков Х.Бермудес и С.Дупуи.

Результаты были столь позитивны, что один англичанин, живущий в Паско, А.Вулкотт тут же приступил к изготовлению своей обогатительной машины, чтобы конкурировать с машиной Ортисов. Однако в этой борьбе Мануэль Ортис смог опереться на поддержку префекта департамента Хуни Ф.П. Отеро, тот был торговцем из Сальты, воевавшим в Центральном Перу во время войны за независимости, племянником Мигеля Отера, третьим по величине горнозаводчиком в Серро де Паско¹⁵, который также был дядей сваты Мануэля Канделарии Виолы Отеро. Опять встречаемся с региональными связями выходцев из Сальты? Ещё до испытаний машины Вулькотта, префект писал из Тармы 19 декабря 1836 г.: «Изобретению Ортиса надо отдать предпочтение как в виду простоты действия машины, так и из-за её низкой стоимости, более дешевой, чем машина Вулькотта, так как может быть построена любым человеком со средними способностями, а также благодаря несложной транспортировке в нужное место; ну а главное, потому что он первым представил это изобретение, а Вулькотт принял вызов»¹⁶.

Достоинства машины Ортисов были широко распропагандированы. В ответ на просьбу Мануэля Ортиса протектор Боливийско-перуанской конфедерации Андрес де Санта-Крус 7 января 1837 г. в Лиме постановил провести повторную демонстрацию машины Ортисов для Депутации Серро-де-Паско. В соответствии с результатами этой демонстрации префект Хуни проинформировал правительство, что будет выгоднее признать за создателем привилегию исключительного использования машины на несколько лет, в течение которых остальные заинтересованные лица должны заключать отдельные контракты напрямую с Ортисами.

Однако прошло четыре месяца до проведения окончательных опытов: отмечается равнодушие горнозаводчиков Серро-де-Паско, что может быть объяснено вниманием к машине Вулькотта, но это был быстро проходящий интерес. 9 февраля 1837 г. была сформирована новая комиссия для сравнительных опытов машин. Однако, вновь не было интереса, а лишь «апатия и индифферентность»; и вскоре после этого 21 марта 1837 г. после настойчивых просьб Ортиса была назначена третья комиссия, в которую вошли М.Амунатеги, Х.М.Олачеа и В.Махия. 16 апреля Олачеа был арестован «как доверитель бывшего субпрефекта Х.И.Бальдисан», и его заменил Камило Миер. В новом составе комиссия дала свое заключение, сформулированное в докладе от 24 мая 1837 г.: «1.Круг, где смешивали руду, продержался на 10 дней меньше, чем такой же с лошадьми. 2. Было потреблено на 7,5 фунтов ртути меньше, чем при использовании лошадей. 3. было произведено 6 маркос и 5 унций серебра больше, чем обычно. 4.Затраты на ртуть были на 20 песо и 1,5 реала меньше, чем обычно». Далее добавляли, что вместо 2 лошадей и двух рабочих было достаточно одного животного и одного человека, что означало экономию в 8 песо и 1 реал. Не было просчитана стоимость изготовления и обслуживания машины, но порекомендовали Депутации «принять этот метод извлечения серебра, ибо он несет очевидные и ощутимые преимущества».

Если сравним постановления двух комиссий, Потоси и Серро-де-Паско, то обнаружим сильные отличия. Это произошло из-за того, что в Серро-де-Паско были обработаны 1.250 арроб минерала без примесей ртути, а в Потоси исходный материал был уже смешан с ртутью. Доклад из Потоси не упоминает экономию ртути и рассчитывает начальный капитал по-иному, нежели в Серро-де-Паско. С этой связи трудно рассчитать точно различия в экспериментах машин. Главное, что обе комиссии рекомендовали достоинства машины.

29 мая Депутация заявила, что убеждена «в эффективности и реальных преимуществах машины Ортиса». Её беспокоило, что возмещение Ортисам за употребление машины должен изыскать Цех горнозаводчиков, что реально было невозможно.

Споры о машины в Потоси в 1836 – 1841 гг. Первоначально судьба машины в Потоси казалась многообещающей. В мае 1836 г. комиссия Цеха сереброзаводчиков дала позитивное заключение о машине. В июне Префектура запросила 600 песо для распространения метода в инхениос¹⁷. Между тем, Ортисы вступили в переговоры с правительством Санта-Круса, предлагая отказаться от

своего исключительного права изобретателей. В обмен за это просили либо право на свободный экспорт минерала из страны, либо премию в 1 песо за каждую марку серебра, которую они будут сдавать государству при текущих ценах в 8 песо – 1 марка серебра.

10 октября 1836 г. правительство Санта-Круса подписало контракт с братьями Ортис, в котором для распространения машины среди наибольшего количества горнозаводчиков Потоси было предложено выплатить возмещение Ортисам через Выкупной банк в сумме *одного песо доплаты за каждую марку серебра, извлеченную с помощью новой системы только в случае, если производство превысит 30.000 марок в год*. В случае если производство будет между 15.000 и 30.000 марок, премия будет 4 реала за марку. Однако в виду дефицита ртути во время войны с Чили и Аргентиной, согласились платить такую же премию за 13.000 – 26.000 марок¹⁸. Привлекаемые премией, Ортисы начали экспериментировать с большими объемами минерала во всех своих пяти инхенио, в том числе и с минералом со слабым содержанием серебра, извлекаемым из отвалов породы¹⁹. И позднее они использовали минералы с низким содержанием металла, даже после разрыв контракта.

Этот контракт вызвал многочисленные протесты и враждебность со стороны других горнозаводчиков. Одновременно правительство передумало предоставлять по 600 песо для каждого заводчика для реализации нововведений. Может быть по этой причине 4 ноября 1836 г. Ортисы сделали предложение всем заводчикам в Потоси продемонстрировать, «что речь идет не о личном интересе, а об общественном благе». Предложили выбирать между выплатой возмещение за право использовать изобретение и индивидуальными контрактами с каждым отдельно при следующих условиях: Ортисы переработают весь минерал в Потоси за 3 песо за ящик, ...а при передачи машин другим давали гарантии на 5 лет эффективности²⁰.

Это предложение исходило из предположения, что машина сократит расходы на 50%, но ни один из заводчиков не был готов принять это предложение, и в течение всего 1837 года и в первые месяцы 1838 г. действовал контракт между Ортисами и правительством.

В конце 1837 г. Санта-Крус приказал выплатить Ортисам «из любого фонда», несмотря на военные расходы. Начальник-хранитель Общественных фондов (казны) ответил, что денег нет, а

все что было, направлено «на срочные потребности Южного государства»²¹. Префект Николас Дорадо также потребован выплатить все Ортисам из фонда Монетного двора, но так как и они были опустошены, то распорядился выплатить золотом²².

29 апреля 1838 г. Санта-Крус прервал действие контракта, объясняя свой поступок, что несмотря на выплаченное возмещение машина не стала всеобщим достоянием, и ее использование не распространилось на все инхенос. Вместе с тем, признал привилегированные права изобретателей в течение 10 лет.

Почему не распространилось использование машины? Вернемся к причинам отсутствия успеха в распространении машины Ортисов среди производителей серебра в Потоси. Объяснение, предложенное самими Ортисами, а также М.Сильветти и М.Соррилья (и особенно четко А.Тельесом), состояло в укоренении заводчиков в традиции промысла и нежелании расходовать деньги на производство машины. На самом деле стоимость машины была обычной. Сами Ортисы для масштабного переустройства своих заводов запросили кредит в 20.000 песо в Чукисаке под залог одного из своих инхенио. Менее масштабный кредит был доступен и другим заводчикам. Проблема заключалась в том, что после разрыва контракта с правительством заводчики должны были индивидуально вести переговоры с изобретателями. Если бы правительство предоставило 600 песо для строительства машины, то ее распространение было бы решенным делом. Трудно не признать, что постоянное ожидание правительством войны вынуждало его откладывать экономические проекты и экономить средства на войну.

Вторая половина ответа на наш вопрос - во фразе Сильветти: «Приверженность всех в этой стране к старому и презрение ко всему новому». Большинство людей – консерваторы, ибо считают, что это в их интересах. Мне кажется сомнительным, что консервативные и закрытые воззрения людей блокировали переход к более выгодному предприятию. Хотя можно предположить, что противостояние традиционализма заводчиков Потоси и обновленческими стремлениями трех выходцев из Сальты с началом войны приобрело националистическую и ксенофобскую окраску, но эти выходцы из Сальты продержались в Потоси до 50-х годов, всегда возглавляя лигу производителей, а один из них, Мануэль, женился на уроженке Потоси и остался навсегда в Боливии. После войны уже никто не пытался купить у них права на изобретенную машину, хотя они сами продолжали использовать ее в производстве.

Примечателен тот факт, что в Потоси после завоевания независимости перестали существовать многие препятствия модернизации, которые историки идентифицируют с производственной структурой горнорудной промышленности конца XVIII века. Уже не было миты (несмотря на эксперимент с «добровольной митой» в 1830 – 1831 гг.), что само по себе мотивировало таких людей как Ортисы прибегать к модернизации, но не подвигло других заводчиков искать спасения в этом в отсутствие «ренты митайо», а прибегнуть к более дешевым и простым методам. Кроме того, аренда инхениос резко снизилась, а все более растущее число заводчиков становились собственниками своих предприятий. Экономия ргути, зарплаты и времени привлекала многих, но и это не привело к ожидаемым преобразованиям в Потоси.

Историки Контрерас и Мира предпочитают слово «осторожность» термину «консерватизм» для характеристики реакции заводчиков конца XVIII века в отношении технологических новаций, объясняя их косность тремя факторами: структурой собственности, финансированием производства и общественными формами организации производства. В пользу рационализации заводчиков упоминаются случаи с Оруетой и Хуареги, которые экспериментировали с машиной Борна, привезенной из Европы, 14 месяцев пока не убедились, что кипячение выгоднее плавки²³. В независимой Боливии, в Потоси речь уже шла о машине, чья рентабельность была признана всеми выше, чем при кипячении. Может быть объяснение следует искать в механизированных кругах.

Не претендуя на исчерпывающее объяснение, хочу подчеркнуть три очевидных фактора: во-первых, объясняется природой горного предприятия, управляемого каждым отдельным заводчиком; во-вторых, опытом предшествовавшей экспедицией Норделхта; в-третьих, конъюнктурой войны и послевоенных лет.

Первое объяснение особенно хорошо демонстрируется историей другого иммигранта в Потоси, который стал врагом Ортисов, выходца из Арекипы Педро Лауреано Кесада. Для Кесады «горнорудная деятельность была простым продолжением других негодий ростовщика, коммерсанта и помещика... Сочетали свою ростовщическую деятельность со сбором минерала на отвалах, не вкладывая деньги в серьезные разработки руды. Этот тип предпринимательства не имел наклонностей к вкладыванию денег в производство машин, который давали сомнительные преимущества»²⁴. Кесада был исключительным случаем, но другие заводчики мыслили примерно также, чем и отличались от Ортисов.

Во-вторых, что касается экспедиции Норденлихт, замечательно, что несмотря на ее провал, ее пример и рекомендации были важными пунктами для ориентации заводчиков, стремившихся повысить рентабельность своих предприятий и после завоевания независимости. В области добычи новые ветки шахт, которые рекомендовало открыть экспедиция Норденлихт в Потоси, стали эксплуатироваться с 1825 г. «Компанией Потоси и Боливара», хотя в отличие от Серро-де-Паско эта инициатива до конца века не дала серьезных результатов, а принесла разочарование.

В области выплавки серебра остался только пример машин Борна, на которые возлагали надежды на подъем производства заводчики. Мы уже видели, что критика изобретения Ортисов состояла в том, что их машина не могла завершить обогащение руды за 24 часа. Такие критические замечания стали возможны после знакомства с машиной Борна. Самое вероятное из предположений, что заводчиков отпугивал кустарно-ремесленный вид механических кругов. То, что было в глазах изобретателей главными достоинствами машины, а именно простота и дешевизна изготовления, были причиной отказа заводчиков платить за нее. Им хотелось получить что-нибудь более современное и технологичное, как, например, машина Борна. Только европейские современные машины и вовлечение в международный рынок после 1872 г. смогли изменить их методы, которые в первые бедные периоды развития республики давали положительный результат, позволяя приносить прибыль.

Заводчики отвергали машины не из-за своих консервативных взглядов, а скорее из-за того, что они не были достаточно современны и технологичны. Первые европейские предложения технологических обновлений казались привлекательными, паровые машины казались более интересными, чем механические круги с лошадьми. Однако для покупки паровых машин требовались гигантские капиталовложения и их непростая адаптация к условиям Потоси, где, например, не было топлива²⁵. Таким образом, предрасположенность к трансатлантической зависимости в области технологий была укорена в сознании боливийских предпринимателей до 60-х годов XIX века, еще во времена комиссии Норденлихт. Прогресс в этой атмосфере идеологической предопределенности и структурной либерализации означал накопление капитала, необходимого для приобретения новых европейских технологий, которые могли позволить обогащать руду в течение 24 часов и менее, как то было в Центральной Европе²⁶.

В третьих, остается обсудить конъюнктуру войны. Государство не предприняло особых усилий для распространения этой машины как в Серро-де-Паско, так и в Потоси. По нашему мнению, преимущества машины были реальными, и не хватило самой малости, чтобы их признали все. Действительно, они могли осуществить переворот в Потоси, как то воображал себе Мариано Сильвети. В этом смысле войны Санта-Круса были нехстати. Для планирования политического проекта столь больших масштабов было необходимо предварительно создать экономику, способную финансировать эти войны. В руках у Санта-Круса было орудие решения бюджетных проблем – машина Ортисов. Если бы у него было достаточно времени и средств для укрепления экономики перед тем, как решиться на войну, возможно, судьба Конфедерации была бы иной. С началом войны Протектор уже не мог уделять внимание горной отрасли, в которой нуждался как в источнике ликвидной монеты. Санта-Крус ожидал, что заводчики сами проявят инициативу причем в момент, когда среди предпринимателей царили неуверенность в будущем из-за войны с Аргентиной, и они были далеки от технологических новаций, тем более, что они рассматривались как попытки аргентинцев нарушить порядок сдачи металла государству, в Выкупной банк.

Три брата и два пути в семье Ортисов: между Потоси и Сальтой, 1830 – 1880 гг. В отличие от настоящего технического обновления машина Ортисов была результатом искрой вдохновения, преобразования эмпирически известных им материалов и производственных процессов. Несмотря на отсутствие интереса других заводчиков, самим Ортисам их машина стала основой обогащения. Здесь вернемся к истории семьи Ортисов и сравним различные пути братьев Серапио, Франсиско де Паула и Мануэля.

Франсиско де Паула и Серапио всегда были вместе в своих предприятиях и перегойях. Оба жили на одной улице в Потоси, оба женились на дочерях лучших семей Сальты. Оба позднее вернулись в Сальту, где были видными членами помещичьей элиты города. С другой стороны, старший из братьев Мануэль выгодно женился на жительнице Потоси, приемной дочери испанского иммигранта, владельца инхенио Гуаригаури. Мануэль унаследовал эти рудники и управлял ими. Он один остался жить в Боливии, утратив связь с остальной семье в Сальте²⁷.

Женщины сыграли решающую роль в том, что разошлись пути Франсиско де Паула, Серапио и Мануэля. Их происхождение и личные предпочтения значительно повлияли на выбор их мужей.

Выбирая женщин из Сальты, Франсиско де Паула и Серапио ориентировались на тот образ жизни и занятий, который они собирались вести после своей карьеры горнозаводчиков. Положение Мануэля было другим: он хотел остаться в Потоси, и его брак должен был закрепить его положение среди видных заводчиков Потоси и среди видных семей Сукре и Потоси.

Сальта. Оба брата, решив вернуться в Сальту, стали готовиться заранее. Брак Франсиско де Паула состоялся в 1835 г. еще до изобретения машины, а в 1839 г. он купил дом в Сальте. Ортис заплатил 2.800 песо золотом и боливийскими монетами²⁸. В отличие от Серапио Франсиско де Паула не превратил свои накопления в земельную собственность²⁹. Также не преуспел он в ростовщичестве, как его брат. Он больше занимался торговлей.

Серапио был выслан из Боливии во время войн Конфедерации. Он приобрел хорошие земельные угодья в Сальте большой стоимости, одна из которых Кастаньярес стоила 3.435 песо. Заплатил за это он потосинским золотом³⁰. Серапио этим приобретением был сделан первый шаг к будущей трансформации горнозаводчика в помещика Сальты. В дальнейшем были сделаны большие приобретения земли. Уже в 1852 г., год спустя после падения Росаса, он приобрел за 5.650 песо огромный особняк на Соборной площади, где и по сей день проживают его потомки.

Сегодня уже стало очевидной тенденция вложения капитала из горнорудной отрасли в более надежные сферы, будь то земельная собственность, или ростовщические операции. И действительно, став видным помещиком Сальты и не бросая горного промысла, Серапио стал заниматься ростовщичеством. Записи в нотариальных книгах Сальты в период с 1854 г. по 1861 г., год смерти Серапио Ортиса, показывают обилие таких операций с местными торговцами. В результате этих операций займы с ипотекой позволили увеличить Ортису свои земельные владения. После его смерти у семьи оказалось в руках несколько заложенных за кредит поместий³¹. Деньги, заработанные в Потоси, пошли на обустройство помещичьей жизни в Сальте. Отсюда семейные легенды о зашитых в ковры золотых пластинах, спрятанных в стены старого дома Ортисов, о чем нам поведал Дон Рикардо Ортис в 1995 г. По иронии судьбы на месте их старого дома ныне расположен Банк Сальты, который выполняет те же функции, что выполняли Ортисы во второй половине XIX века.

Любопытно, что в его завещании остается обеспокоенность за судьбы рудников, которыми он по-прежнему владел в Боливии. Он

дает указания привести в порядок работы Салинаса де Мендоса в соответствии с книгами, которые у него были и «приказывает» своему старшему сыну Мигелю, а также своим младшим Абелью и Игнасио после завершения их обучения, чтобы те проследили за действиями Салинаса, поскольку «в этом деле вижу будущее благосостояние всех их». Фраза является простым призывом и показывает старую мечту горнозаводчика, которая не оставила его до самой смерти. Он не продал своих рудников, которые приносили некоторую прибыль³², и по-прежнему чувствовал, что чего-то не доделал в Боливии³³. Его указания сыновьям Мигелю, Абелью, Игнасио показывают, что он хотел продолжения своего дела детьми: они не должны были предпринимать ничего специального, а только следовать примеру отца для достижения благосостояния сравнимого с его богатством.

Этой мечте не суждено было сбыться. Укреплялись новые межгосударственные границы в сознании господствующих классов в каждой из стран. Потомки Серапио отвернулись от Боливии, полностью погрузившись в аргентинские дела. Рудники Салинас оставались в руках семьи до 1867 г., когда при посредничестве боливийских кредиторов горнозаводчик Хакобо Айльон стал новым владельцем остатков владений Ортисов в горном деле³⁴. Таким образом, боливианизация рудников шла рука об руку с аргентинизацией Ортисов в Сальте. Став видными членами местной элиты с большими денежными ресурсами, дети Серапио закрепляли свое социальное положение браками с лучшими семьями и политической деятельностью в провинции, в столице страны и на международном поприще. Их связи с Потоси были забыты.

Несмотря на завещание отца наследство не было разделено между детьми до 1880 г., когда был подписано соглашение между матерью и пятью детьми. Все признали, что частью каждого является капитал в 14.000 песо, к которым прибавились 3000, заработанных при администрировании наследства матерью. Для Мигеля и Абеля это был момент, когда они осознали себя помещиками-землевладельцами. Третий сын Игнасио получил лишь свою часть деньгами. Остальное, причитавшееся другим детям осталось в управлении матери. Это был уже новый другой период истории семьи Ортисов.

В Потоси. Мануэль, оставшийся в Потоси, женился в 1833 г. Оба супруга просили заем в 10.000 песо «для увеличения своего капитала», предлагая 6% годовых при закладе инхенио Гуаригуари, где они работали, и дома на улице Боливар в Потоси³⁵. В тоже

самое время Мануэль оказался связан как поручитель в торговых делах Сальты с Потоси. Нам не известно, с кем конкретно он имел дело. В 1834 г. он становится поручителем в транзакциях между Антонио Валье, представителя торговца из Тукумана Хавиера Лопеса, и Банком горнорудных разработок в Потоси по делу ввоза скота, кожи в июле-октябре того же года³⁶. Два года спустя он подписал обязательства в пользу Еухенио Маупас на 1.120 песо в виде заморских товаров, которые этот самый Хавиер Лопес купил у Маупаса при гарантиях Ортиса³⁷. Эта деятельность может показать его политические симпатии – Хавиер Лопес был известным унитарием в боливийской иммиграции, но с коммерческой точки зрения это было вторичным. Средства его жены были столь велики, что в 1837 году она смогла предложить залог в 50.000 песо в делах своего деверя Серапио Ортиса, когда того выслали из страны генерал Браун, «несмотря на то, что он прожил в Боливии более 20 лет»³⁸.

Как и братья, Мануэль Ортис установил новые машины в Гуа-ригуари, что позволило увеличить производство, став одним из самых крупных производителей в Потоси, что позволило не связываться с репасирис, крайне нестабильными и недисциплинированными поденщиками³⁹. В 1836 г. съездил в Серро-де-Паско для демонстрации их машин, и чтобы запросить возмещение за её использование или признание исключительных прав. В 1843 г. совместно с Франсиско де Паула образовал общество для разработок инхенио Сиропо («Общество Сиропо», Мачакамарка), а затем еще одно совместное общество для работ на штольнях в самом Гуа-ригуари (в 1852 г. преобразованное в общество «Ортис и Дермит»). В 1856 г. «Общество Гуа-ригуари» является третьим по величине производителем в Потоси⁴⁰.

Между тем, старший сын Мануэля Хосе Мелитон женился (он был первым в ряду блестящих браков потомков Мануэля) на Мерседес Пруденсио Фриас, и начал работать с её отцом. Его деятельность в Потоси длилась недолго. В 1856 г. он продал свои рудники в Потоси⁴¹. Затем, в 1864 г. он приобрел рудник и штольни Канделарии в Мачакамарка за 6000 песо, заложив своё поместье и рудники в Гуа-ригуари⁴². Переезд Ортисов из Гуа-ригуари в Мачакамарка был предопределен еще в 1843 г., когда Мануэль создал там «Общество Сиропо». В 1872 г. Мануэль Ортис и сыновья потеряли поместье в Гуа-ригуари, которое переходило их кредитору Сальвадору Гутьерресу в возмещение долга некоего Хуана Уриосте в 8000 песо, по которому Ортисы были гарантами⁴³.

Брачные союзы потомков Хосе Мелитона помогли выправить положение или кризис в финансах Ортисов. Его сын Хосе Мария Ортис Пруденсио женился на Елене Линарес, племяннице президента Линареса, которая была потомком знатной семьи Лисарасу Лопес Лиспергер, графов Королевского Монетного Двора и владельцев латифундий от Чукисаки и Потоси до Тарихи. Хотя Хосе Мария продал поместья своей матери, его брат сохранил доставшиеся ему при разделе поместья в Синти. Затем, когда сын Елены Хорхе Ортис Линарес женился на дочери ни кого-нибудь, а самого Симона Патиньо, Грасиеле, все поместья вновь объединились, что составило агро-промышленное предприятие САГИК, в которое Патиньо вкладывал значительный капитал⁴⁴.

Забвение. Уход Ортисов в Потоси из горного дела и их интерес к земле проходил параллельно с процессом укоренения Ортисов из Сальты как местных латифундистов. Это широко известная и распространенная траектория горнорудного капитала. Однако любопытно, что семейная память рассматривает эпизод из жизни семьи, связанный с рудниками, как временное отклонение от помещичьей судьбы, но было предано забвению, что именно деньги, заработанные в серебродобыче, позволили им стать землевладельцами. Нам это стало ясно в беседе Эстер Айльон с братом Хорхе Ортиса Линареса Хосе и с его дочерью Марией Тересой Ортис Ача в Буэнос-Айресе в 1994 г. Их воспоминания дают искаженную семейную историю. Устную историю семьи необходимо скорректировать с реальными историческими событиями. Устная история потомков Ортисов вписала историю семьи в русло помещичьей легализации истории Аргентины.

Один из примеров извращения истории был в ответе на вопрос об их предке Мануэле Ортисе. Дон Хосе утверждал, что хорошо знаком с его историей. Но по его версии уже вместо трех братьев находим лишь двоих, один из которых вернулся в Сальту из Боливии, в то время как другой остался там. Память семьи упустила третьего брата также вернувшегося в Сальту, то есть семья лишь запомнила два исключавших друг друга случая, вернувшиеся и оставшиеся. Память упрощает ситуацию в поисках конкретных социальных контрастов.

Семейная память придумала романтико-героическую легенду о бегстве Мануэля от преследований Росаса при помощи губернатора Сальты. В этот период (1831 г.), действительно, был исход беженцев из Сальты в Боливию, и сегодня легко объяснять эмиграцию из Сальты в Боливию в первой половине XIX в. репрессиями

Росаса, когда, на самом деле, в Боливию бежали политические враги диктатора. Однако, как мы обнаружили Ортисы прибыли в Потоси до 1831 г. в составе волны иммиграции более раннего периода, еще до завоевания независимости Боливией в 1825 г. Возможно, что впоследствии Ортисы были связаны с анти-росистами за счет своих тесных связей с унитариями Факундо Сувирия и Хавьером Лопесом, которые иммигрировали в Боливию в 1831 г. Ныне семейная традиция утверждает, что после падения Росаса в 1852 г. Ортисы были сторонниками Уркисы⁴⁵ в противостоянии с митристами, Урибуру.

Воспоминания семьи строятся на убеждении, что их предки всегда были помещиками и жили на своих наследных землях, но при этом соглашались, что кто-то жил в Сукре. Союзы через брак с лучшими семьями Чукисаки связывались всегда с земельной собственностью. Обе ветви Ортисов пришли к одному, к жизни помещиков, землевладельцев. Обе отошли от горного дела к землевладению для получения нового социального статуса. Из памяти потомков исчезла история Серапио, Франсиско де Паула и Мануэля с их предпринимательским динамизмом, их способностью к обновлению, их принадлежностью к категории «новых людей» (self-made men) в эпоху, когда еще господствовали почти романтические надежды американского Просвещения. Обе ветви семьи превратились в латифундистов, «извечных» помещиков, землевладельцев, представителей высшего общества.

В семейной памяти укрепились понятия национальных различий, забылось, что когда-то элиты Сальты и Потоси были взаимосвязаны, а каждая ветвь Ортисов вошла составной частью в правящий класс своей страны. В памяти остались лишь картины золотых стогов собранного хлеба. Как ностальгически вспоминал сын Хорхе Ортиса Линареса и Грасиелы Патиньо Джордж Ортис Патиньо в одном из интервью⁴⁶: «Я помню самое прекрасное, в Ингауаси пшеница уже поспела и как золотое море простиралось километр за километром»... Пшеница стала символом семейных занятий и статуса, что легитимизировали позиции «господствующего класса», консолидировавшегося в конце XIX – начале XX вв. в Аргентине и Боливии.

Эта незаконченная история братьев Ортис началась с простого замечания, что по горной статистике правительств Санта-Круса, Бальивиана и Бельсу они были самыми крупными производителями в Потоси в период с 1831 г. по 1856 г. Однако связь с Сальтой

открыла новые темы, многие из которых остается изучить с большей глубиной. Одна из предпочтительных тем – это история жен предпринимателей. Жены были связующим звеном в создании межрегиональных сетей родственных и брачных союзов.

Провал попытки Санта-Круса создать «республиканское Туантисуйо» и практицизм заводчиков Ортисов были в центре нашего внимания. Они были просвещенными и передовыми людьми своего времени, они выучились быть практичными людьми в Потоси, где в юности, проведенной на улицах, видели последовательно занимавшие город Королевские войска и армии Освободителей. Они достигли зрелости, когда была провозглашена независимость страны, и они ответили своим предприимчивостью и работой на потребности в ценном металле новой страны. Их изобретение обогатительной машины было гениальным и соответствовало желанию увеличить производство, что им и удалось. Можно понять их возмущение решением генерала Брауна выслать братьев из страны. Почему высылают граждан Сальты в то время, как те хотят стать частью Боливии?⁴⁷

В случае распространения и массового применения, их машины могли положительно повлиять на производство серебра на рудниках Перу и Боливии, что позволило бы выйти из кризиса наличности, возникшего во время Войны за независимость. Если бы Санта-Крус не спешил так с объявлением образования Конфедерации, что его вынуждало противостоять военному наступлению соседей, если бы он подождал, пока экономики двух стран будут в состоянии выдержать эту войну, если бы он смог грамотно предложить другим заводчикам внедрить её, если бы был отменен декрет Брауна о высылке столь важных и нужных для государства людей, возможно, история юга Боливии и северо-востока Аргентины была бы другой. Но Санта-Крус был слишком занят делами на севере Боливии и в Перу, и его мало интересовал северо-восток Аргентины. Прошел подходящий момент к объединению Сальты и Потоси в рамках Конфедерации, а горнозаводчики Потоси обратили свои взоры на более «современные» и дорогостоящие машины, но менее адаптированные к местным условиям, нежели простая и дешевая машина Ортисов.

Наши попытки объяснить очевидно необъяснимое – отсутствие интереса к техническим нововведениям, которые явно вели к улучшению производства – привели нас к исследованию явлений, требующих большего анализа. Утрата возможности технологиче-

ского обновления была, вне сомнения, связана с годами разрушительной войны.

Через большую часть истории (и не только Боливии) проходит разрыв между силой прогрессивного идеала и слабой его практической реализацией. Предприниматели, которые увлеченно искали последние мировые технологические достижения, не всегда интересовались пользой, которую они могут принести или нет коллективным интересам народа со своей собственной историей, отличной от европейской. Рыночная идеология позволила проигнорировать самые серьезные проблемы, а «императив прогресса» оправдывал зависимость от импорта чужих идей, что, как то отмечал Эрик Хобсбаум, особенно отличает Латинскую Америку от Африки или Восточной Азии.

Прецедент экспедиции Норденлихт был важным элементом в формировании сознания, обращенного за океан и футуристского по существу. Перед лицом такого поведения простая и приспособленная к условиям страны и направленная на развитие национального рынка машина Ортисов не имела будущего. Так как горное дело Потоси отвернулось от своего будущего, братья Ортисы стали использовать свою машину в производстве серебряного концентрата, сохраняя свои связи с Сальтой. Серапио и Франсиско де Паула не вернулись в Сальту пока не создали одно из самых крупных состояний в горной отрасли эпохи боливийского «протекционизма». В этом смысле их история имеет непропорционально большое значение: широко распространенное мнение о застое в отрасли в первые годы Республики является политическим мифом, имевшим свои корни во фритредерской пропаганде, которая собланила многих современных историков.

Итак, первый цикл подъема горного дела в Боливии, пик которого пришелся на 1838 – 1842 гг.⁴⁸, видно из данных графика 1, показывающего синхронность роста производства и сдачи металла в Выкупной банк в 1833 – 1847 гг. Также этот график отражает подъем и падение государственной торговли ртутью, являвшейся главным источником доходов Выкупного банка в эти годы. Возрождение отрасли, зависевшей от поставок ртути, продолжалось с первых лет правления Санта-Круса до Бальивиана, несмотря на все перипетии военных лет. В течение 40-50-х годов возрастающее количество серебра вывозилось контрабандой в Аргентину и Копиапо вместо того, чтобы продавать его в Выкупной банк, в результате чего стало невозможным получение ртути в кредит. В это период заводчики получали ртуть через частных поставщиков. Эти из-

менения в коммерциализации серебра и взаимосвязи этого процесса с динамикой цен на ртуть должны стать темой отдельного исследования.

Причины поражения Санта-Круса в 1839 г. и падение Росаса в 1852 г. состояли в формировании новых межгосударственных границ и новых национальных элит в каждой стране. Однако в более дальней перспективе мы видели, какую огромную роль играли брачные союзы. Дорис Соммепс отмечала, что эти межрегиональные романтические связи отражаются в темах латиноамериканской литературы XIX века, которая стремилась «создать родину» через воображаемую интеграцию национальной территории⁴⁹. В случае с выходцами из Сальты эта литературная интерпретация не отражает реальные факты: более того, в элитах происходили даже эндогамные браки (вплоть до уровня запрещенного католической церковью) с целью консолидировать и без того закрытую касту общества, члены которой (несмотря на внутреннюю враждебность) делили меж собой блага власти и экономического господства во всем межрегиональном и местном масштабе их влияния.

В каком-то смысле, можно вместе с другими авторами, сказать, что «эти семьи были предшественниками современной Иberoамерики»⁵⁰, - это случай с Ортисами, Патињо Майнз в Боливии и с Банком Сальты в Аргентине. Однако, трансформация горнорудного капитала в землевладельческий, начатая Серапио, и устоявшийся образ традиционной помещичьей семьи в памяти потомков, это еще не финал их пути. Надо было бы исследовать весь последующий путь их капиталовложений и изменений в семейном укладе, в политической карьере и пр. Этот капитал находит защиту через брачные стратегические союзы между семьями местной элиты и через интернационализацию впоследствии. Эта интернационализация охватывала не американские связи (Боливии и Аргентины, например), а новые связи, возникавшие из поездок в Париж, Лондон и Женеву и всегда через европейский мост в Буэнос-Айрес. Трансатлантическое расширение строится на забвении своих корней и связей, который уже стали историей другой страны, на мистификации своего прошлого и создании легенды, которая укрепляла их позиции в собственной стране.

Отмечается отличие в структуре элит, с которыми связаны Ортисы в Сальте и Ортисы в Потоси. В Боливии Мануэль, а затем его дети связывают семью с разными городами и департаментами: Фулья (Испания-Потоси), Линарес (Потоси – Сукре), Лисарасу и Фриас (Потоси), наконец, Патињо (Кочабамба, Потоси, Оруро,

Париж...). Элита интернационализируется, но имеет корни в центре и юге страны, пересекает своими связями различные регионы. С другой стороны, Ортисы из Сальты вращаются в рамках лишь одного региона, все их связи – с их соседями из Сальты. Они представляют элиту северо-востока в рамках Аргентинской Конференции. Здесь происходит формирование сильной местной элиты, чей динамизм в первые годы республики позволил занять многие ключевые позиции в горном деле. Их влияние в регионе только сейчас мы начинаем открывать. Возможно, различие в стратегиях двух ветвей семьи Ортис должна быть соотнесено с контрастом форм правления, выбранных Боливией и Аргентиной, централизация в первой и федерализм во второй.

Эта история исследованная в эпоху неолиберального триумфализма, дающая представление о нашей истории упущенных возможностей и утраченной самостоятельности, может показаться фаталистичной. Может быть, упор на поражение и провал и не имеет ничего общего с представлениями трагической теологии обреченности и первородного греха, словно речь идет о национальной версии Адамова грехопадения? Такое впечатление создается именно из-за нашей эпохи, когда выбрасывается в мусор все прошлое за исключением некоторых предвещающих будущее рождение шагов, или когда все представляется ярмаркой, образом коммуникационных технологий. «Неолиберальная теология», как ее называет Эрик Хобсбаум, не заменит нам все, как о том вещают современные пророки. Думаю, в будущем мы сможем вернуться к этой истории и прочитать ее по-новому, как основополагающую фабулу иного порядка вещей.

Приложение №1.

Опись имущества по завещанию Сарапио Ортиса.

(из семейной коллекции документов семьи Ортисов)

20 марта 1880 г. в г.Сальта собрались нижеподписавшиеся донья Канделария В. де Ортис за себя и за своего сына дона Ноласко Ортиса, находящегося в Буэнос-Айресе и разрешения последнего, а также совершеннолетние сыновья дон Мигель, дон АбельЮ дон Игнасио, дочери донья Бенхамина и донья Маргарита Ортис (с исключением донья Мерседес, получившей свою долю в 1869 г.) и решили внесудебно и приватно разделить имущество, принадлежащее им по завещанию дона Сарапио Ортиса, мужа доньи Канде-

ларии и отца вышеуказанных детей. Вместе пришли к следующему:

1. Подтверждаем и принимаем выделение при нашем несовершеннолетии дочернюю часть наследства в сумме в 14.000 песо, полученной доньей Мерседес, а остальное имущество предназначено к разделу между остальными наследниками.

2. Заявляем, что ныне получили от нашей матери доньи Канделарии 14.000 песо из нашей доли и еще 3.000 песо каждый из наследников, что в сумме составляет 17.000 песо, которые были распределены следующим образом:

- Дону Мигелю переданы 17.000 песо в виде поместья Кастаньярес со всем скотом, инвентарем, мебелью на общую сумму 40.000 песо, которые сокращаются на сумму 17.000 песо в пользу матери доньи Канделарии.

- Дону Абелью переданы 17.000 песо в виде поместья Санча и Пресидио, оцененные в 4.000 песо и 13.000 песо наличными.

- Дону Игнасио передано 17.000 песо наличными.

- Дону Ноласко, донья Бенхамина и донья Маргарита переданы 17.000 песо в виде поместий, оставшихся в управлении матери, которая будет их тратить на содержание дочерей

Таким образом окончательное решение завещания Серапио Ортиса считается завершенным при согласии всех сторон.

Приложение №2.

Фрагмент интервью Хосе Ортиса Линареса и его дочери Тересы Ортис Ача де Раседо

(Интервью взято Эстер Айлон Сория в Буэнос-Айресе в 1993 г.)

Эстер Айлон Сория (ЭАС): Дон Хосе, помните ли Вы своих родителей, дедов, прадедов, есть у Вас какие-нибудь сведения о них? Я, например, знаю, что ваш прадед по отцовской линии был Мануэль Ортис, уроженец Сальты? Знаете вы это?

Хосе Ортиса Линареса (ХОЛ): Я знаю это. Во время преследований Росаса губернатор получил от него приказ захватить и уничтожить без суда двух братьев Ортиса, оппозиционеров Росасу, проживавших тогда в Сальте.

ЭАС: В чем их обвиняли?

ХОЛ: Ни в чем, не знаю...

Тересы Ортис Ача де Раседо (ТОА): они были против правительства Росаса.

ХОЛ: Ну а губернатор бал другом братьев...

ТОА: Братьев Ортисов, твоих предков!

ХОЛ: Он приказал их искать повсюду кроме того места, по которому они договорились бежать. Так им удалось уйти в Боливию.

ЭАС: Куда они поехали, в Тариху? Куда?

ХОЛ: Не знаю, в Тариху или в Боливию... и затем, после падения Росаса один из них вернулся в Аргентину, а другой женился на Маргарите Фулья.

ЭАС: А не на Марии Фулья? Я думала, что на Марии, а оказывается на Маргарите?

ТОА: Мария, Маргарита или Мария. Есть письмо, которое они пишут одному человеку в Сукре, сообщая ему светские новости из Потоси: одно из которых было, что гаучо Ортис женился на Маргарите Фулья. Этот гаучо Ортис был Мариано...

ХОЛ: Гаучо называли всех выходцев из Аргентины, а не тот народец из низов как мы здесь называем гаучо.

ТОА: Нет. Не из низов, а просто из села.

ЭАС: Скажите, дон Хосе, чем ваш прадед занимался в Боливии?

ХОЛ: Точно не знаю. Тогда наверное у него не было ни профессии, ни занятости...

ЭАС: А чем занимался ваш дед Хосе Мелитон?

ХОЛ: Все они были землевладельцами, регулярно ездили управлять своими поместьями, но жили в городе.

ЭАС: А ваши родители, донья Елена и дон Хосе Мария?

ТОА: Тоже самое, что их родители. В поместьях у них был администратор, мой дед периодически ездил в поместье Кульпина, но жил в Сукре, где родились все его дети.

¹ Platt T. Producción, tecnología y trabajo en la Rivera de Potosi durante la Republica temprana//Cuadernos de Historia Latinoamericana. No.3.1996. Munster-Hamburg. 1996.

² Mitre A. Los patriarcas de la plata. Lima, 1981.

³ Есть примеры крестьян, имевших по три паспорта, с которыми до 1970-го года они ездили между Арикой (Чили), Такной (Перу) и Пакахес (Боливия).

⁴ Calvo C. Nobiliario del Antiguo Virreinato del Rio de la Plata. Buenos Aires, 1924. Эта работа Кальво проливает свет на союзы и брачную стратегию элиты Сальты. К сожалению, автор не приводит сноски своих источников,

но совпадение его данных в другими делают возможным считать их достоверными.

⁵ Ibidem.

⁶ Большая часть налоговых книг по этим годам исчезла. Однако можно просмотреть в архиве Сальты налоговые книги – Archivo Historico de Salta (AHS). Hacienda 475: Libro de Alcavalas de las Reales Caxas de Salta включает в себя период с 14 сентября по 31 декабря 1812 г., так как её вывезла с собой в Буэнос-Айрес армия патриотов. - AHS. Hacienda 475: Libro de Alcavalas de las Reales Caxas de Salta. 1812. F.1r.

⁷ Copia literal del expediente seguido en Lima ante el Gobierno Protectoral, sobre exclusiva o indemnizacion de una maquina en beneficiar metales de plata, inventada en Potosí por los Señores Ortizes – Archivo Nacional de Bolivia (ANB).CSJ.No.132. ff. 175r – 189r.

⁸ См. дискуссию М.Халмер, Р.Бюхлер, Дж.Фишера – Contreras C., Mira G. Transferencia de tecnologia minera de Europa a los Andes// Mundilización de la ciencia y cultura colonial. Actas del Congreso Internacional “Ciencia, descubrimiento y mundo colonial”. Madrid, 1993. P.235 – 249.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Tellez I.A. Principios fisico-químico-prácticos en memorias, para estaer la plata que contengan los minerales. Sucre, 1831. P.118 – 119.

¹¹ Следует упомянуть также предшественника машины Тельеса, что может быть и далеким предком машины Ортисов. Речь идет об изобретении в Мехико в 1770-е годы машины с одним только большим и тонким колесом, которое вращалось вокруг оси в центре бассейна; машина приводилась в движение мулом. Машина не была популярна среди мексиканских заводчиков. – Langue F., Salazar-Soler C. Dictionnaire des termes miniers en usage en Amérique espangole (XVI – XIX-e siècle). Paris, 1993. Подобная машина была использована на сахарных заводах в Сальте, например, в Сан-Исидоро в долине Сианка в конце 18 века.(по данным Рикардо Ортис Исасменди)

¹² 1200 арроб была обычная мощность машины, что подтверждает Мануэль Ортис во время своего пребывания в Серро де Паско: «...машина может обрабатывать 1200 арроб за промежуток времени...» - ANB. CSJ. No.132, f.175r.

¹³ El Boliviano. T.3, No.66. 12. vi.1836.(BNB PB Ch.4).

¹⁴ Соглашение позволяло Мануэлю распространять машину в Мексике или в «любой из Республик Севера и Юга [Боливийско-перуанской конфедерации]», при этом все доходы от этого доставались Мануэлю – Platt T. Produccion, tecnologia y trabajo en la Rivera del Potosí durante la República temprana// Cuadernos de hsitoria latinoamericana. No.3. 1996. AHILA.Hamburg, 1996. P.8 - 9.

¹⁵ Deustua J. La mineria peruana y la iniciación de la República. 1820 – 1840. Lima, 1986.

¹⁶ ANB.CSJ.No.132. F.179r.

¹⁷ El Boliviano. T.4, No.12, 8i. 1837.

¹⁸ El Boliviano. T.4, No.1.23, x 1837.

¹⁹ См.Platt T. Produccìon, tecnologìa y trabajo en la Rivera de Potosi durante la Republica temprana//Cuadernos de Historia Latinoamericana. No.3.1996. Munster-Hamburg. 1996.

²⁰ El Boliviano. T.4, No.12. 8.1837.

²¹ ANB. CJS. No.132. F. 5v.

²² ANB. CJS. No.132. F. 6.r-v.

²³ Beuchler R. El arte de ser util: Don Luis de Orueta y la decadencia del Potosi colonial.//Bicentenario del Virreynato del Rio de La Plata. V.II. Buenos Aires, 1977.

²⁴ Platt T. Produccìon, tecnologìa y trabajo.

²⁵ В английской компании «Потоси, Ла-Пас и Перу Майнинг Ко» в 1825 – 1826 гг. использовались машины-котлы Борн. См. Tandeter E. Coaccion y Mercado. La mineria de la plata en el Potosi colonial, 1692 – 1826. Buenos Aires, 1992. P.284.

²⁶ В 50-е годы для изучения проблем боливийской горнорудной промышленности в Боливию прибыли по приглашению немецкие инженеры Эрнст Рюк, Вильям Брукнер, Франке, Рек и другие. - Mitre A. Los patriarcas de la plata. Lima, 1981. P.122.

²⁷ Исследователь генеалогии знатных семей Ла-Платы Карлос Кальво отмечал только, что Мануэль «остался в Боливии, где женился и оставил потомков» - см. Calvo C. Op.cit., P. 155.

²⁸ AHS. EP. Ecribano Francisco Pinto. PN 307. Carpeta 29, ff.29-30. Salta.21.VII. 1839.

²⁹ Однако, именно Франсиско де Пауло купил в 1846 г. очень ценное поместье Гуагуайяко за 4350 песо - AHS. EP. Ecribano Francisco Pinto. PN 322. Carpeta 319, ff.68-69. Salta.18.VIII. 1846.

³⁰ AHS. EP. Ecribano Agustín Jose de Arteaga. PN 314. Carpeta 30, ff.133. Salta.24.IX. 1842.

³¹ Стоит отметить, что по завещанию Серапио Ортиса (март 1861 г.) только некто Хосе Мануэль Фернандес являлся его единственным должником за сумму в 3000 песо, но за услуги оказанные Ортисам его освобождают от уплаты процентов по долгу. - AHS. EP. Ecribano Jose Francisco Niño. PN 365. Carpeta 39, ff.47r-48r. Salta.27.III. 1861.

³² См. ANB.MH.PPR. t.144. No.34 (1856).

³³ Некоторые материалы, например, дерево, как и ранее, поставлялись на рудники из Сальты. В 1851 г. Серапио купил в Сальте деревянные оси для одного из своих инхенио, Салинас де Гарси Медоса. – AHS. Registro Judiacial. Expediente No.46 (1853): Narciso Niño con Serapio Ortiz sobre un contrato de conduccion de maderas a Bolivia.

³⁴ «За серьезную сумму денег, которую мне была должна семья Ортисов, я приобрел в 1867 г. рудник Салинас де Гарси Медоса,» - Jacobo Aillón. La Industria. Año VIII. No.857. 10.VIII.1888. – Biblioteca Nacional de Bolivia (BNB). PB. Chuq. 193 a.

³⁵ Archivo Historico de Potosi (AHP). EN 270. F.86. Potosi, 06.IV.1833.

-
- ³⁶ AHP.EN 359.f.8v, Potosi. 23.I.1834.
- ³⁷ AHP.EN 270.f.304, Potosi. 5.VII.1836.
- ³⁸ AHP.EN 276.f.237, Potosi. 5.XI.1837.
- ³⁹ ANB.MH.PPR. 1843. t.94.No.35.
- ⁴⁰ Platt T. Producció, tecnologia y trabajo en la Rivera de Potosi durante la Republica temprana//Cuadernos de Historia Latinoamericana. No.3.1996. Munster-Hamburg. 1996. Табл.17.
- ⁴¹ AHP.EN 282.f.71v, Potosi. 27.V.1856.
- ⁴² AHP.EN 286.f.93v, Potosi. 5.VII.1864.
- ⁴³ AHP.EN 292.f.442v, Potosi. 22.XI.1872.
- ⁴⁴ Langer E. Economic Change and Rural Resistance in Southern Bolivia. 1880 – 1930. Stanford, 1989.
- ⁴⁵ Генерал Диогенес Уркиса победил Росаса в битве при Касерос 3 февраля 1852 г.
- ⁴⁶ Интервью с Эстер Айльон в Сан-Педро Мартир (Синти, Чукисака) в 1989 г.
- ⁴⁷ Подспудной причиной было, скорее всего, нежелание Санта-Круса подтолкнуть расширение его государство на юг. См – Bazan A.R. Historia del noroeste argentino. Buenos Aires, 1995. P. 324 – 328.
- ⁴⁸ Platt T. Producció, tecnologia y trabajo en la Rivera de Potosi durante la Republica temprana//Cuadernos de Historia Latinoamericana. No.3.1996. Munster-Hamburg. 1996. Табл.1-3.
- ⁴⁹ Sommers D. Irresistible romance.// Bhabha H. (comp.) Nation and Narration. London, 1990.
- ⁵⁰ Balmori D., Stuart F. Voss, Wortman M. Las alianzas de familia y la formació del país en Amèrica Latina. Mexico, 1990. P.29